

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Конец истории. Начало следующей

24 февраля 2022 года вооруженные силы Российской Федерации без объявления войны нанесли удары по объектам на территории Украины, вошли туда, начав боевые действия. На момент написания этих строк боевые действия там продолжаются.

В дни, которые теперь кажутся далеким прошлым, я вместе со многими заверял себя и других, что концентрация войск на границах Украины есть политический жест сам по себе и боевых действий не будет. Этот прогноз не оправдался.

Когда боевые действия начались, многие ожидали, что в кратчайшие сроки российские войска подавят всякое сопротивление, под их контроль моментально перейдет вся Украина или ее значительная часть, а в Киеве принудительным образом будет сменено руководство

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

страны. Этот прогноз пока также не оправдался.

Это значит, что надо обратиться к вопросам и темам, которые сохраняют свою значимость вне зависимости от конъюнктуры момента. На эти темы и эти проблемы, приобретающие драматическую остроту, указывают, в частности, результаты опроса, проведенного «Левада-центром»¹ в конце февраля. Из них известно, что нагнетание напряженности в отношениях с Украиной было встречено резким недовольством меньшинства и одобрительной реакцией большинства. Рейтинг Путина, который держался на отметке 63% вплоть до декабря 2021 года, к концу февраля достигал 71%.

Шаг, который многим казался вполне мирным – признание независимости «ЛНР» и «ДНР», – поддержали практически все, кто в целом одобрял деятельность Путина, и почти треть тех, кто не одобрял. Последовавшие затем действия российских вооруженных сил в Украине получили почти полную поддержку от тех, кто одобряет деятельность Путина, однако среди не одобряющих ее более 80% высказались против. Отказали в поддержке почти половина жителей столицы, более 40% молодых людей. Известно, что публичные протесты проходили во многих городах России, множество их участников были задержаны.

Сегодня вооруженный конфликт на территории Украины и применение силы против части населения на территории России ставят вопрос о том, какие формы общественной организации и ее институционального оформления в виде государств и надгосударственных структур наиболее адекватны имеющимся обстоятельствам

проживания нескольких миллиардов людей на пространствах Евразии и Африки. (Этот вопрос решается и на других континентах, но здесь мы этого касаться не будем.)

Начнем с тривиального утверждения: индивиды, их первичные объединения и объединения более высокого уровня построены на разных сочетаниях свободы и зависимости друг от друга. Оба импульса имеют культурное и социальное оформление, их баланс то институционально закрепляется, то нарушается силами, которые в зависимости от точки зрения наблюдателя могут трактоваться как внутренние и как внешние.

Опыт последних столетий показал, что при некотором стечении обстоятельств режим свободы, автономия индивидов и создаваемых ими институтов самоуправления способны стимулировать такие формы активности, которые позволяют быстро создавать и накапливать общественное богатство (впрочем, частью образующееся за счет эксплуатации ресурсов других обществ, где социальный порядок устроен совсем иначе).

Так вырос и начал процветать цивилизационный остров, называемый ныне словом «Запад». Он стал примером, следовать которому хотели множество индивидов, их разнообразно оформленных объединений вплоть до целых государств. Опыт показал, что при отсутствии некоторых факторов материального или социального характера стремящиеся к этому идеалу общества достичь своей цели не могут. Опыт также показал, что социальные и материальные блага, которыми располагают люди, проживающие на этом «острове», оказываются весьма привле-

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

кательными для множества жителей других частей Земли. Идеал «хорошей жизни» на Западе и обстоятельство плохой (в материальном и социальном плане) жизни в своих странах стимулируют их к миграции. Масштабы ее таковы, что встает вопрос: не изменят ли они социокультурную ситуацию в «благополучной» части мира таким образом, что существующие там преимущества исчезнут?

Прошлое показало, что общества, где социальная организация построена на нарочитом подчинении индивидуальных начал коллективным, где это институционально оформлено в виде диктатуры и всепроникающего контроля, также способны к мобилизации значительных сил и накоплению больших общественных богатств. Для описания таких обществ иногда применяют слово «тоталитаризм». Не входя в обсуждение этого понятия, отметим один момент. Очень часто тоталитаризм характеризуют всепроникающим (тотальным) политическим контролем, такой же системой пропаганды и агитации, режимом политического террора. Нам же важно подчеркнуть, что все эти обстоятельства образуют внешний, политический «рисунок» тоталитаризма. Его главная социальная суть – в особом состоянии общества, которое развивает формы внутреннего социального контроля, режима, где все следят за всеми, чтобы не допускать индивидуального или группового отклонения от норм, корпус которых становится чрезвычайно тесным и ригидным. Именно тотальность этого контроля и создает феноменологию тоталитаризма, ее институциональным оформлением становится диктатура, полицейский режим и оглушающая пропаганда, не по принуждению поддерживаемые основной частью общества, воспринимаемые

ею как необходимость и благо, а не как ярмо и бремя. Как любая норма не исключает, а предполагает ее нарушителей, это общественное состояние не исключает, а скорее предполагает наличие меньшинства, которое недовольно и протестует против тоталитарного режима. Иногда этот протест бывает успешным.

Тривиальные соображения, изложенные выше, кажутся необходимыми, чтобы указать на всемирно-исторический, цивилизационный масштаб нынешнего конфликта, который вблизи выглядит как локальный конфликт стран-соседей, имевших трения в прошлом, или как реализация частных интересов неких элит вокруг Путина, или вообще как результат злокачественного развития черт чьей-либо личности.

Да, вряд ли судьба цивилизации, в частности, европейской, решится от исхода российско-украинского конфликта. Это будет лишь часть, звено этой исторической драмы. Но драма налицо и образует ее ряд фактов. С одной стороны, очевидно стремление миллионов, если не миллиардов, к смене условий своего существования на те, которые есть или, по их мнению, должны быть на Западе. В России этот тренд проявился двояко: в широкой эмиграции на Запад и в протестном движении против действий властей. С другой стороны, есть и поддержка недемократических режимов, со стороны как их собственного населения, так и антидемократически ориентированных партий и политиков на Западе. Этот глобальный тренд предъявил себя как не менее значимый – не в силу объемов, а в силу близости к центральным узлам социальной структуры Запада

Сейчас демократические и прозападные устремления Украины находят под давлением превосходящих сил

России, выбравшей противоположные ориентиры. Представляется, что и вся «западная цивилизация» находится под давлением как подобных внешних сил (из которых Россия не главная, но на данный момент наиболее активная), так и сил внутренних ренегатов. «Западная цивилизация» торжествует как идеал – и это торжество исторически беспрецедентно велико, – но одновременно поставлена под вопрос своими внутренними и внешними оппонентами.

Тоталитаризм как альтернатива демократии широко предъявил себя в Европе после Первой мировой войны. Показалось, что он побежден в ходе Второй мировой. Но в тех или иных формах он стал возрождаться и в СССР, и в подконтрольной ему части мира. Его следующий коллапс в конце XX века, может быть, действительно стал концом одной истории, но, как теперь видно, он стал и началом следующей. Видно и то, что этой новой истории придется разворачиваться в формах драмы.